

БАЛАКИН Вячеслав Иванович — к.ю.н., ведущий научный сотрудник центра стратегических проблем Северо-Восточной Азии и Шанхайской организации сотрудничества Института Дальнего Востока РАН (117997, Россия, г. Москва, Нахимовский пр., 32; viacheslavbalakin@rambler.ru)

ТАЙВАНЬСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ В РАМКАХ ПРОЦЕССА ВОСТОЧНОАЗИАТСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Аннотация. Проблема тайваньской государственности приобрела в отношениях Пекина и Тайбэя не только теоретический, но и практический характер. В значительной степени от этого зависит успех или неуспех продвижения в Восточной Азии региональной интеграционной модели, предлагаемой КНР. Восточноазиатский интеграционный процесс развивается сегодня в направлении создания странами региона реальных условий устойчивого роста, который позволит в обозримой перспективе сформировать реальный китаецентричный «вектор силы». Если в отношениях с Западом китайское правительство последовательно придерживается весьма осторожного, хотя и поступательного подхода в осуществлении преобразований, то на тайваньском направлении Пекин старается полностью исключить шаги, могущие привести к внутренней политической или экономической нестабильности в стране.

Ключевые слова: Китай, Тайвань, Восточная Азия, интеграция, китайская государственность

Существенным фактором, определившим инвестиционную стратегию КНР после азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг., стало переосмысление китайским руководством места и роли Тайваня в экономическом развитии страны. В какой-то момент экономическая доминанта вышла на первое место в политике вовлечения Тайбэя в процесс общекитайского воссоединения и стала необходимой КНР в т.ч. в связи с принятием на вооружение доктрины международных отношений, рассматриваемых через призму соперничества в сфере наращивания совокупной национальной мощи государства. Если в отношениях с Западом правительство КНР последовательно придерживается весьма осторожного подхода в осуществлении преобразований, то на тайваньском направлении Пекин старается полностью исключить шаги, могущие привести к внутренней политической или экономической нестабильности государственности на острове [Ямадзаки 2010: 14].

В данном контексте руководство КНР внимательно следит за всеми поправками, которые вносятся властями Тайваня в действующую на острове Конституцию Китайской Республики 1947 г. Это критически важно для Пекина по двум основным причинам: из опасений в отношении чрезмерного компромисса правящей партии Гоминьдан с главной оппозиционной силой — Демократической прогрессивной партией (ДПП), а также из-за реальной возможности утраты Гоминьданом на достаточно продолжительное время реального квалифицированного большинства в Национальном собрании Тайваня. Контролируя нынешнее тайваньское правительство, Гоминьдан по закону получает от государства крупные финансовые средства, которые расходует «на проведение научных исследований» в сфере политики и обучения собственных кадров, занятых в инвестиционных проектах на материке [Chen 2004: 81].

С обеих сторон предполагается, что в рамках достигнутых соглашений будет продолжен поиск «великого компромисса», ориентированного на формирование общих властных структур «Большого Китая». Однако оппозиционная ДПП оказывает жесткое противодействие гоминьдановским инициативам, связанным с внесением конституционных поправок, усматривая в этом намерение завязать президентские полномочия, что неизбежно приведет к формирова-

нию на Тайване «суперпрезидентской государственной власти», способной при определенных условиях пойти на сделку с материковым Китаем [Huang 2006: 152].

А вот в Пекине считают, что ныне действующая система власти на Тайване в целом отвечает интересам КНР и последовательно эволюционирует в направлении реального воссоединения страны. Суньятсэновская схема разделения пяти властей, сохранение которой поддерживает Гоминьдан, представляется руководством КНР наиболее стабильной и соответствующей устоявшимся китайским традициям. Прозападная ДПП, наоборот, полагает, что система власти будущего независимого тайваньского государства должна быть максимально приближена к классической формуле разделения трех властей и, более того, суверенному тайваньскому государству в перспективе вообще не потребуется исторически сложившееся провинциальное деление на острове [Мацумото 2013: 45].

Конституционные «изыски» оппозиционной ДПП однозначно рассматриваются руководством Гоминьдана как стимулирование тенденций на провозглашение независимости Тайваня. Постепенная ликвидация провинциальных правительств неизбежно приведет к упразднению статуса Тайваня как части традиционного Китая. Характерно, что Гоминдан и КПК очень близки в понимании смысла и сути законодательных актов, которые должны быть приняты воссоединяющимися сторонами, что вполне можно рассматривать как главную тенденцию к полной унификации общекитайского законодательства в будущем [Мураками 2007: 320].

Пристальное внимание в Пекине также вызывают попытки сохранения на Тайване сложившегося порядка формирования корпуса глав местных администраций. Существенная «засоренность» местной власти чиновниками, поддерживаемыми ДПП, вынуждает руководство КНР «рекомендовать» правительству Гоминдана внести изменения в политическую систему Тайваня в части, касающейся института местных выборов. Такой подход заметно напоминает жесткий контроль КПК над формированием местных администраций в материковом Китае, где этот подход объясняется, прежде всего, общественным интересом к созданию эффективного заслона на пути всякого рода злоупотреблений, одинаково характерных как для КНР, так и Тайваня [Ohashi 2010: 105].

Большинство экспертов склоняются к тому, что в обозримой перспективе провинциальный уровень и на острове, и на материке во многом лишится своего статуса самоуправления. Ревизия конституционных положений на Тайване предполагает полную отмену выборности провинциальных властей, которые скорее всего станут частью структур центральной исполнительной власти [Кисимото 2011: 12]. Таким образом, основной тренд названных выше преобразований приобретает откровенно прагматический характер и направлен на усиление эффективности управления перед лицом возможного будущего воссоединения с КНР.

Следует подчеркнуть, что, решая проблему воссоединения с Тайванем, Китай явно не намерен инкорпорироваться в так называемое сообщество взаимозависимых стран на предлагаемых Западом условиях. Эти условия предусматривают практически полную открытость внутреннего рынка и последовательное проведение системных реформ либерального толка, что в принципе неприемлемо для КПК. Попадание в зависимость от Запада отвергается в Пекине и рассматривается как абсолютно неадекватная цена за полное единство Китая [Ji 2010: 22].

Следует подчеркнуть, что Пекин рассматривает внешнюю инвестиционную стратегию как отправную точку формирования устойчивой китайской экспансии на международные рынки, когда растущая совокупная мощь единого в буду-

шем китайского государства поможет эффективно отстаивать коренные национальные интересы в жестком соперничестве с ведущими постиндустриальными державами мира. По сути дела, это не что иное, как начало становления принципиально отличного этапа развития воссоединенного Китая, связанного со становлением новой юрисдикции китайского государства [Chen 2008: 18]. В случае успеха мирной интеграции Тайваня с материком, несомненно, статус «Большого Китая» на международной арене возрастет на порядок.

Тайваньский фактор в инвестиционной стратегии КНР определяется стремлением Пекина создать условия для массовой экспансии материкового капитала в лице крупнейших корпораций на финансовый рынок Тайваня. Необходимость такого шага сформулирована в нескольких аналитических докладах различных экспертных групп, близких к правительству КНР [Putten, van der 2015: 26]. В качестве доводов, приводимых в пользу внедрения материкового капитала на тайваньскую фондовую биржу, можно обозначить следующие: Китай намерен в перспективе поставить под свой эффективный контроль листинговые операции по компаниям, представляющим местный производственный сектор; использовать тайваньскую фондовую биржу для наращивания финансового и технологического потенциала китайских корпораций, участвующих в инвестиционных проектах за рубежом; сделать Тайвань своеобразным полигоном для китайского бизнеса в плане приобретения навыков современного менеджмента, совершенствования структуры общего корпоративного управления применительно к требованиям мирового рынка.

КНР и Тайваню при воссоединении предстоит решать серьезную юридическую проблему, а именно: государство никогда не получает свою власть ни от какого другого авторитета или союза [Cole 2014: 13]. Этим государство заметно отличается от территориальных административных образований, которые иногда являются подобными государству, т.е., имея реальный конституционный характер – власть, население и территорию, они не имеют, однако, суверенной власти. Перед формирующимся государственным образованием «Большой Китай» постепенно вырастает сложная международно-правовая задача, смысл которой сводится к двум взаимосвязанным факторам: Тайвань должен осознанно стать интегрированной частью «Большого Китая», и только через участие в данном интеграционном проекте Тайвань способен получить свою международную легитимную государственность [Lee 2014: 84].

Стратегия правительства КНР в отношении воссоединения с Тайванем постоянно обновляется. Есть отдельные высказывания руководителей КНР, из которых можно сделать вывод, что китайско-тайваньское экономическое сотрудничество должно в полной мере учитывать международные инфляционные ожидания [Winkler 2013: 290]. Тем не менее в стратегии отсутствует субъект управления, поскольку не понятно, кто будет осуществлять необходимые преобразования, которые должны привести к мирному воссоединению Китая.

Последнее явно не учитывает проблему будущей связности страны и развития ее в формате «Большого Китая». На Тайване постепенно приходят к выводу относительно необходимости обсуждения с руководством КНР не только вопросов исключительно экономического характера, но и модернизации с обеих сторон политических институтов, которые в любом государстве гарантируют единство территории и управления ею [Zhao 2010: 199]. При этом весь пафос «переговоров через пролив» состоит именно в попытках воссоздания общих правовых институтов, хотя смысл ведущихся дискуссий сводится к следующему: главное – согласовать принципы общей государственности, а объединить Китай когда-нибудь сможет кто-то другой.

Тем не менее по обе стороны Тайваньского пролива численно растет прослойка

людей, которые объективно заинтересованы в ускорении процесса объединения Китая. Это так называемый креативный класс, реальный носитель национального инновационного мышления и присущего большинству китайцев духа деятельного предпринимательства и созидания. В условиях постоянно растущей совокупной мощи китайского государства на материке у китайского государственного образования на Тайване остается все меньше шансов сохранить реальный суверенитет [Thornton 2015: 9].

Тайваньские инвесторы межкризисного периода обнаружили в своем окружении на материке последовательный рост так называемого среднего класса. В КНР сегодня определяют средний класс по трем основным параметрам: встроенности в государственные финансовые потоки, уровню постоянных доходов и образу жизни. Эти критерии побуждают предпринимателей в КНР стремиться к активной жизни и, как правило, добиваться более высоких доходов, что, несомненно, несет в себе дополнительный потенциал с точки зрения возможного воссоединения страны в формате «Большого Китая» [Zi 2011: 56].

В сложившихся условиях правительству Гоминьдана не оставалось ничего иного, как сделать ставку на креативные слои населения, стремящиеся решать свои насущные проблемы посредством переноса инвестиционной деятельности на материк. Постепенно гоминдановская политика чрезмерно осторожного отношения к экономическому взаимодействию с КНР достаточно уверенно сменилась целенаправленными усилиями, направленными на развитие современных производительных сил практически на всей территории материкового Китая. Отдельные международные эксперты даже стали прогнозировать вероятность утверждения устойчивой тенденции к более масштабному укоренению и обустройству тайваньских предпринимателей в КНР [Przeworski 2010: 82].

В ряде японских аналитических изданий по проблемам Китая отмечается стремление Пекина как можно скорее завершить 1-й этап экспертной работы по экономическому втягиванию Тайваня в проект «Большой Китай» [Окуда 2010: 9]. В ближайшем будущем на повестку дня скорее всего встанет вопрос о международной легитимации достигнутых результатов и двустороннего согласования юридических параметров развития всекитайского объединения, ориентировочно предсказываемого на 2020 г. Обе стороны понимают, что требуется новое видение путей развития единого китайского государства на обозримую перспективу, но, самое главное, должна происходить разработка новых подходов к решению проблемы международного признания «Большого Китая» [Pasquino 2007: 16].

Специальные представители КПК и Гоминьдана не ограничиваются при разработке ключевых направлений становления будущего воссоединенного государства такими сферами, как макроэкономика, инновации, система образования и внешняя политика. Предпринимаются попытки с позиций здравого смысла сделать всеобъемлющий анализ общей стратегии сближения на пути к воссоединению. В данной связи многие обращают внимание на поразительную схожесть позиций КНР и Тайваня относительно отсутствия успешности проводившейся в межкризисный период (1998–2008 гг.) денежной политики [Руе 2008: 141].

В случае КНР привлекаются преимущественно прямые инвестиции, прежде всего в реальное производство. Тайвань пока принципиально отличается от материкового Китая, по сути дела, игнорируя объективно созревшую необходимость надлежащих институциональных изменений, призванных помочь прямым инвестициям из КНР. Даже Гоминьдан, в принципе выступающий за воссоединение Китая, поддерживает в своих программных документах сохранение на неопреде-

ленный период целого набора заградительных барьеров на пути прямых инвестиций из Китая [Minn 2006: 45].

Один из давних исследователей проблемы тайваньской государственности Масару Иватэ обратил внимание на присущее большинству тайваньских политиков пренебрежение объективно существующей реальностью [Iwate 2009: 57]. В частности, он указал на непонимание и недооценку формирующейся в КНР стратегии глобального использования конструктивной мощи национального китайского бизнеса. Отгораживаясь от него, тайваньские элиты, по мнению японца, совершают серьезную геополитическую ошибку, стремясь построить экономическое процветание на острове за счет преимущественно западных капиталовложений и компетенций.

На Тайване такой подход в реальности означает пренебрежение национальным китайским капиталом и бездумное стимулирование не имеющей перспективы политики изоляции. Только совсем недавно в гоминдановском руководстве под воздействием реалий последнего финансового кризиса стали раздаваться трезвые голоса в поддержку прихода на Тайвань национального, особенно высокотехнологичного китайского капитала, независимо от государства его происхождения [Dong 2004: 15]. Руководство КПК постоянно пытается убедить своих партнеров по диалогу не совершать ошибку и не пытаться построить свое экономическое процветание, опираясь преимущественно на иностранный капитал и иностранные компетенции.

В Пекине вместе с тем оговариваются, что это отнюдь не означает некое пренебрежения иностранным капиталом и иностранными компетенциями или тем более не является долгосрочным выбором в пользу политики изоляции. Чем больше капитала будет приходиться в «Большой Китай», тем лучше, однако задавать тон экономического развития должны все же китайские инвесторы, представляющие все зарубежные общины «хуацяо» [Lee 2013: 31]. Акцент необходимо сделать на развитие общенациональной промышленности, определение целей и задач промышленной политики, ее инновационные и инвестиционные приоритеты.

В межкризисный период 1998–2008 гг. пекинское руководство пришло к выводу, что решение тайваньской проблемы должно строиться, прежде всего, исходя из экономических факторов. КНР последовательно движется сегодня в своем развитии к фазе постиндустриального государства. Но, в отличие от Тайваня, который уже находится в постиндустриальной стадии, материковый Китай вынужден отдавать приоритет традиционному промышленному производству, поскольку именно здесь активно формируется столь необходимый сегодня для КПК устойчивый и влиятельный средний класс [Cui 2009: 7].

Заметное влияние на китайско-тайваньское взаимодействие оказывает внешнеполитический курс США на данном направлении. У американской позиции в тайваньском вопросе присутствует ярко выраженный геополитический оттенок, который можно представить как стремление максимально эффективно разыгрывать «тайваньскую карту» в отношениях с КНР [Yin 2005: 14]. Вряд ли тайваньская проблема является для Вашингтона такой уж однозначной, скорее всего в ней имеются и внешняя сторона, и задний план, чему в немалой степени способствует хорошо продуманная тактика госдепартамента США, поддерживающего неофициальные межгосударственные связи с Тайванем, используя каналы правящего Гоминьдана и оппозиционной ДПП.

Руководство КНР делает серьезную ставку на инвестиционное взаимодействие с Тайванем, особенно в рамках инновационного развития, в чем США видят для себя реальную угрозу собственной безопасности [Brown 2010: 8]. Тесное взаимодействие с тайваньской экономикой позволяет Пекину ставить

сегодня перед собой задачу монополизировать общее китайское присутствие на американском рынке. По оценке международных экспертов, тайваньский фактор в современной инвестиционной стратегии КНР непосредственно «заточен», прежде всего, под крупные национальные инновационные программы, строго ориентированные исключительно на высокотехнологичный экспорт в США.

В основе естественного альянса между Китаем и Тайванем лежит приоритет возрождения великого единого китайского государства. Реальной движущей силой подобного государства может и должно быть активное китайско-тайваньское экономическое сотрудничество, построенное на понятных обеим сторонам доверительных принципах. В то же время оппозиция в лице ДПП видит в расширении экономического сотрудничества с КНР лишь угрозу для тайваньского государства, способного окончательно раствориться в обширных китайских модернизационных программах [Муракава 2011: 33].

Список литературы

- Кисимото Т. 2011. *ТюТай рэнкэй кека [Усиление китайско-тайваньских связей]*. Хигаси адзиа кэнкю сэнта. Кита кюсю дайгаку. Нихон. 41 с.
- Мацумото Т. 2013. *Тайван кайке-о мэгуру доко [Тенденции в развитии ситуации в зоне Тайваньского пролива]*. Корю. № 865. Тэнри дайгаку сюппан. С. 37-46.
- Муракава С. 2011. *Тайван но кэйдзай хаттэн [Экономическое развитие Тайваня]*. Токе: Хамано сюппан. 230 р.
- Мураками К. 2007. Тайван ни окэру сэйдзи тайсэй но ико [Перемены в политической системе на Тайване]. – *Хокудай хогаку кэнкюсе но дзянару*. № 4. Саппоро. С. 303-332.
- Окуда К. 2010. *Тайван ва Тюгоку дэ ва най [Тайвань не Китай]*. Токио: Асахи симбунся.
- Ямадзаки Е. 2010. «Хитоцу но Тюгоку»: гэнсоку то кокусайхо [Один Китай: принцип и международное право]. Токе: Мэйдзи дайгаку но кокусайхо сэнта. 141 с.
- Brown K. 2010. *Investment across the Taiwan Strait*. The Royal Institute of International Affairs. Chatham House. 46 p.
- Chen Ch. 2004. *The Chinese Nationalist Regime's Political Control System*. New York: North America Taiwanese Professors' Association (NATPA). P. 121-208.
- Chen Tianzhi. 2008. *Taiwan de dui dalu touzi celiue [Направления тайваньских инвестиций на материке]*. Taipei: INN Publishing. 39 p.
- Cole M. 2014. Is Xi Losing Control of China's «Peripheries»? – *The Diplomat*. Brussels. P. 10-18.
- Cui A. 2009. Understanding China's Middle Class. – *China Business Review*. 25 p.
- Dong H. 2004. The Referendum Law is Unconstitutional. – *United Daily*, Taipei. March 4. P. 15.
- Huang W.F. 2006. Did «Peace Referendum» Contribute to the Consolidation of Taiwan's Democracy? – *Taiwan Journal of Democracy*. Vol. 2. December. P. 143-176.
- Iwate M. 2009. *Polyarchy: Participation and Opposition*. New Haven: Yale University Press. 140 p.
- Ji Yiru. 2010. *Zhongguo de dui Taiwan jingji yingxiang [Влияние Китая на тайваньскую экономику]*. Taipei daxue chubanshe. 139 p.
- Lee J. 2013. *Chinese Investment to Taiwan*. Bank of China Ltd Press. 87 p.
- Lee R. 2014. The Tiger that Dances with the Dragon. – *Journal of Chinese Political Science*. Vol. 10. No 2. P. 77-102.
- Minn S. 2006. *National Treasures*. Taipei: SINORAMA Magazine. 167 p.
- Ohashi H. 2010. *The Rise of China: Challenges and Opportunities*. London: Routledge. 108 p.

Pasquino G. 2007. *New Approaches to the Unification of China*. Baltimore: Johns Hopkins University Press. 124 p.

Przeworski A. 2010. *Democracy and the Market*. Cambridge, UK: Cambridge University Press. 180 p.

Putten F., van der. 2015. *Cross-Strait Relations and Diplomacy in East Asia*. Hague, Netherlands: Institute of International Relations. 68 p.

Pye L. 2008. Asian Power and Politics. – *Taiwan University Economic Review*. No 2. Taipei. P. 135-178.

Thornton S. 2015. *Taiwan: A Vital Partner in East Asia*. Bureau of East Asia and Pacific Affairs. Washington, DC: Brookings Institution. 21 p.

Winkler S. 2013. Mainland China and Taiwan Face to Face in the WTO. – *Asian Journal of Social Science*. Vol. 41. P. 287-311.

Yin X. 2005. *Is U.S. Playing the Taiwan Card?* East Asian Research Center. Harvard Press. 38 p.

Zhao Q. 2010. *Beijing's Shifting Positions in the New Era of Cross-Taiwan's Politics in the 21st Century*. Singapore. P. 185-226.

Zi Y. 2011. *Taiwan to Tyugoku no kankei [Отношения Тайваня и Китая]*. Токуо: Waseda daigaku syuppan. 68 p.

BALAKIN Vyacheslav Ivanovich, Cand.Sci.(Legal), Leading Researcher of the Center for Strategic Problems of NEA and SCO, Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences (32 Nakhimovsky Ave, Moscow, Russia, 117997; viacheslavbalakin@rambler.ru)

TAIWANESE STATEHOOD IN THE PROCESS OF EAST ASIAN INTEGRATION

Abstract. The problem of Taiwanese statehood has acquired in the relation between Beijing and Taipei not only theoretical but also practical character. To a considerable degree, it depends on success or failure of promoting in East Asia regional integration model, which had been offered by PRC. East Asian integration process is developed today in the direction of creating by region's states some real conditions for permanent growth that afford to form a real Sinocentric power vector in the near perspective. Whether in relations with the West Chinese government sticks successively to a very careful though progressive approach in the realization of reforms, on the Taiwanese direction Beijing does its best to exclude in full any steps, which could lead up to inner political or economic instability in the country.

Keywords: China, Taiwan, East Asia, integration, Chinese statehood
